

Вильгельм Гауф

Холодное сердце. Часть вторая

Когда в понедельник утром Петер пришел к себе на завод, он застал там не только рабочих, но и других людей, чье появление никого бы не обрадовало. Это были окружной начальник и три судебных пристава. Начальник пожелал Петеру доброго утра, осведомился, как он почивал, а затем развернул длинный список, где были перечислены заимодавцы Петера.

– Можете вы заплатить или нет? – строго спросил он. – И, будьте добры, поживей, мне с вами канителиться некогда, – до тюрьмы добрых три часа ходу.

Тут Петер совсем пал духом: он признался, что денег у него нет, и позволил начальнику и его людям описать дом и усадьбу, завод и конюшню, повозку и лошадей, а пока окружной начальник и его помощники расхаживали вокруг, осматривая и оценивая его имущество, он подумал: «До Елового Бугра недалеко, если маленький лесовик не помог мне, попытаю–ка я счастья у большого». И он помчался к Еловому Бугру, да с такой быстротой, словно судебные приставы гнались за ним по пятам.

Когда он пробежал мимо того места, где в первый раз говорил со Стеклянным Человечком, ему показалось, будто его удерживает чья–то невидимая рука, но он вырвался и понесся дальше, до самой границы, которую хорошенько приметил, и не успел он, запыхавшись, позвать: «Голландец Михель! Господин Голландец Михель!», – как перед ним вырос великан–плотовщик со своим багром.

– Явился, – сказал он, смеясь. – А не то содрали бы шкуру и продали кредиторам! Ну, да не тревожся, все твои беды, как я уже говорил, пошли от Стеклянного Человечка, этого гордеца и ханжи. Уж если дарить, то щедрой рукой, а не как этот сквалыга. Пойдем, – сказал он и двинулся в глубь леса. – Пойдем ко мне домой, там и поглядим, столкнемся мы с тобой или нет.

«Как это «столкнемся»? – в тревоге думал Петер. – Что же он может с меня потребовать, разве у меня есть для него товар? Служить он себе заставит или что другое?»

Они шли вверх по крутой тропе и вскоре очутились возле мрачного глубокого ущелья с отвесными стенами. Голландец Михель легко сбежал вниз по скале, словно то была гладкая мраморная лестница; но тут Петер едва не лишился чувств: он увидел, как Михель, ступив на дно ущелья, сделался ростом с колокольню; великан протянул ему руку, длиной с весло, раскрыл ладонь, шириною с трактирный стол, и воскликнул:

– Садись ко мне на ладонь да ухватись покрепче за пальцы – не бойся – не упадешь!

Дрожа от страха, Петер сделал, как ему было велено, – сел к Михелю на ладонь и ухватился за большой палец.

Они спускались все глубже и глубже, но, к великому удивлению Петера, темнее не становилось, – напротив того, дневной свет в ущелье стал словно бы еще ярче, так что было больно глазам. Чем ниже они спускались, тем меньше делался Михель, и теперь он стоял в прежнем своем облике перед домом – самым что ни на есть обыкновенным домом зажиточного шварцвальдского крестьянина. Горница, куда Михель ввел Петера, тоже во всем походила на горницы у других хозяев, разве что казалась какой–то неуютной. Деревянные часы с кукушкой, громадная кафельная печь, широкие лавки по стенам и утварь на полках были здесь такие же, как повсюду. Михель указал гостю место за большим столом, а сам вышел и вскоре вернулся с кувшином вина и стаканами. Он налил вина себе и Петеру, и они разговорились; Голландец Михель стал расписывать Петеру радости жизни, чуждаемые страны, города и реки, так что тому под конец страстно захотелось все это повидать, в чем он и признался честно Голландцу.

– Будь ты даже смел духом и крепок телом, чтобы затеять большие дела, но ведь стоит твоему глупому сердцу забиться чаще обыкновенного, и ты дрогнешь; ну, а оскорбления чести, несчастья – зачем смышленому парню беспокоиться из–за таких пустяков? Разве у тебя голова болела от обиды, когда тебя на днях обозвали мошенником и негодяем? Разве у тебя были рези в животе, когда явился окружной начальник, чтобы выкинуть тебя из дому? Ну–ка скажи, что у тебя болело?

– Сердце, – отвечал Петер, прижав руку к взволнованной груди: в этот миг ему почудилось, будто сердце его как–то пугливо заметалось.

– Не обижайся, но ведь ты не одну сотню гульденов швырнул паршивым нищим и прочему сброду, а что толку? Они призывали на тебя благословение божье, желали здоровья, – ну и что? Стал ты от этого здоровее? Половины этих денег хватило бы на то, чтобы держать при себе врача. Благословение божье – да уж нечего сказать, благословение, когда у тебя описывают имущество, а самого выгоняют на улицу! А что заставляло тебя лезть в карман, как только нищий протягивал к тебе свою драную шапку? Сердце, опять–таки сердце, – не глаза и не язык, не руки и не ноги, а только сердце, – ты, как верно говорится, принимал все слишком близко к сердцу.

– Но разве можно от этого отвыкнуть? Вот и сейчас – как я ни стараюсь заглушить в себе сердце, оно у меня колотится и болит.

– Да уж где тебе, бедолаге, с ним сладить! – со смехом вскричал Голландец Михель. – А ты отдай мне эту бесполезную вещичку, увидишь, как тебе сразу станет легко.

– Отдать вам – мое сердце? – в ужасе воскликнул Петер. – Но ведь я тогда сразу умру! Ни за что!

– Да, конечно, если бы кто–нибудь из ваших господ хирургов вздумал вырезать у тебя сердце, ты бы умер на месте, но я это делаю совсем по–другому – зайди сюда, убедишься сам.

С этими словами он встал, открыл дверь в соседнюю комнату и пригласил Петера войти. Сердце юноши судорожно сжалось, едва он переступил порог, но он не обратил на это внимания, столь необычайно и поразительно было то, что открылось его глазам. На деревянных полках рядами стояли склянки, наполненные прозрачной жидкостью, и в каждой заключено было чье–нибудь сердце; ко всем склянкам были приклеены ярлыки с именами, и Петер их с любопытством прочел. Он нашел там сердце окружного начальника из Ф., сердце Толстяка Эзехиля, сердце Короля Танцев, сердце старшего лесничего; были там и шесть сердец хлебных скупщиков; восемь сердец офицеров–вербовщиков, три сердца ростовщиков, – короче говоря, это было собрание наиболее почтенных сердец из всех городов и селений на двадцать часов пути окрест.

– Смотри! Все эти люди покончили с житейскими заботами и треволнениями, ни одно из этих сердец больше не бьется озабоченно и тревожно, а их бывшие обладатели чувствуют себя превосходно, выставив за дверь беспокойного жильца.

– Но что же у них теперь вместо сердца? – спросил Петер, у которого от всего увиденного голова пошла кругом.

– А вот это, – ответил Голландец Михель; он полез в ящик и протянул Петеру каменное сердце.

– Вот оно что! – изумился тот, не в силах противиться дрожи, пронизавшей все его тело. – Сердце из мрамора? Но послушай, господин Михель, ведь от такого сердца в груди должно быть ой–ой как холодно?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Разумеется, но этот холод приятный. А на что человеку горячее сердце? Зимой оно тебя не согреет – хорошая вишневая наливка горячит вернее, чем самое горячее сердце, а летом, когда все изнывают от жары, ты и не поверишь, какую прохладу дарует такое сердце. И, как я уже говорил, ни тревога, ни страх, ни дурацкое сострадание, ни какие-либо иные горести не достучатся до этого сердца.

– И это все, что вы можете мне дать? – с досадой спросил Петер. – Я надеялся получить деньги, а вы предлагаете мне камень.

Назад << 1 [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) >> [Дальше](#)